

«АРЛЕКИН» БЕЗ ГРИМА

Черный булыжник площади Труда. Который, который по счету ленинградский дождь шел над ним. Над ним, Невой, мостом лейтенанта Шмидта, над крышами Красной улицы, над домом, где жил Блок, и над домом, где полчаса назад жироидистка Шарлотта Корде убила Марата.

Тогда в первый раз я был в молодежном театре — народном театре Ленинградского университета. Шарлотта спала, прижимая к груди кинжал, а Марат в белых одеждах сумасшедшего говорил о свободе. В первом ряду парадный, как театрал, сидел маркиз де Сад. Сцену и зал не разделяла рампа. Может быть, поэтому нас, зрители, так легко, свободно захлестывала энергия молодых актеров, переполнявшая через край достаточно условную сцену. И мы вместе с ними были одним целым. Нас роднила жажда изменить мир. Веси! Сделать его лучше, чище, красивее...

Так начинался и гастролирующий сейчас в Армавире «Арлекин». С маленькой сцены, с подвалов Москвы. Теперь он имеет много титулов. В том числе — заветный для каждого молодежного театра титул — профессиональный. А если перечислить все регалии театра, получится длинно: Московский, музыкально-драматический, экспериментальный... Театр-студия, театр-ансамбль. Но половина слов — мифура, маска. Так делают, когда хотят со-

хранить лицо, — опускают забрали. Посмотрел, допустим, спектакль, вышел, не понял — не обижайся. Сказано же: эксперимент.

— Почему форма спектаклей нетрадиционна? Почему мы стараемся сплавить хореографию, музыку, слово, театр воедино? Потому, что мы так думаем, так живем, — говорит Сергей Мелконян, художественный руководитель студии. — Мы обращаемся прежде всего к молодежи. И поэтому через вечные темы добра и зла, любви и ненависти всегда выходим на современность, и их сердцам. Мы хотим сделать людей добрыми. Ведь многие разучились быть добрыми.

«Король-арлекин». Без этого спектакля не было бы и нашего театра. Он — спектакль-школа, проверка нас на мастерство, на искусство. В нем много импровизации. Она — важный элемент «Шута», театрального действия. Поэтому первое представление у нас никогда не похоже на второе, второе — на третье. Поэтому год рождения театра — 1973-й — достаточно условен. Ведь актеры рождаются в каждом спектакле.

Что произошло на сцене? Арлекин убил наследника престола из любви к Коломбине, которую у него хотели отнять. Надел его одежду и стал королем. Но шут не может носить мантию. Он честен, он свободен, он молод, он нравствен, если хотите. Он не может лгать. И, бросая престол, уходит к друзьям-комедиантам, к труппе, к Коломбине, к жизни.

Спектакль — декларация театра, молодой его труппы. Надо ли разъяснять это?

Что произошло на сцене? Фантазматическая игра света, рок-музыки, пантомимы,

Театр, театр! Как скучно
мне любить
Тебя. Любимей не было
игрушки
У поколений прежних.
Может быть,
Как на письме крошечки и
завитушки,
Ты устарел, как плошки
и финифть.
Как я не прав! Но
душный этот зал
Страшит меня, и слабый
привкус пыли.
Поэт, с тобой прощаясь,
горевал.
Ночное солнце в стужу
хоронили.
Январский ветер хору
подвывал.
Есть свой резон у
прочных наших дней.
Притворство, кто теперь
тебя оценит?
Не знаю, где актерство
тяжелей,

На сцене, в жизни?
Может быть, на сцене,
Трещит театр,
пристанце теней!
Трехъярусный, сегодня не
понять,
Трагический, «скрипящий»
пережиток!
Упадок. Отмирания
И тысячи восторженных
попыток
Очнуться и понравиться
опять.
И нравится. И радужным
крылом
Топорщится, а все ж
ладонь в кармане
Жмет номерок, а рядом
за углом
Мелькает жизнь без
грима — на экране —
С асфальтом, тенью,
трещиной на нем.
Александр КУШНЕР.

масок... Дель-арте, фарс? Несомненно одно: на сцене был новый театр. Как реагировали на него армавирцы? О чем думали, когда погас свет в зале и зажгли на сцене красный трон, Арлекина, шпалги, Коломбину, зонги?..

МНЕНИЯ В ЗАЛЕ:

— Первый акт «Шута на троне» смотрел с удовольствием. Второй — нет. Кажется, и реплики, и шутки, да и само действие стало повторяться. Кажется, будто актеры играли уже на отработанном материале.

— Это самый лучший спектакль, который видела в жизни!

— Поражает, как можно охватить столько тем сразу. Наверное, это зависит от того, что каждый молодой исполнитель действительно социально активен, имеет мировоззрение, позицию. Отрадно видеть эти качества в современной молодежи.

Конец второго акта «Шута» был «озаменован» хлопками... выходной двери зала ГДК. Зрители уходили. Не сравнивая, скажу, я видел, как уходили из кинозалов, где шли фильмы Буноэля, Михалкова, Бергмана, Феллини...

В АРМАВИРЕ идут три спектакля. Кроме «Шута» — «Франсуа Вийон» П. Антокольского и «Альпийская баллада» В. Быкова. Совершенно разные, они имеют одну общую основу — подлинный дух молодежного театра, всегда стремящегося к поиску, эксперименту. Но к поиску и импровизации только на основе отточенной техники, исполнительского мастерства. Ведь молодость — не оправдание, скажем, от-

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРЕ

существом дикции или слуха, если ты вышел на сцену читать и петь. Если говорить языком производственных работников, то о каждом актере можно сказать: освоил смежные специальности. В театре почти нет «чистых» певцов, танцовщиков, актеров. Каждый умеет делать все. Интересно, что в труппе нет и аутсайдеров. Сегодняшний статист может быть завтра исполнителем главной роли: И все же на фоне высокого качества работы всей труппы тем более досадными выглядят, на мой взгляд, некоторые промахи.

«Шут» — самый яркий, самый красивый, но, кажется, самый хрупкий, если так можно сказать, ребенок театра Буря и натиск первого действия держат зрителя в максимальном напряжении — не шелохнешься. Тебя подвели к вершине и обещают показать, что там, за перевалом. Но вот второе действие, и — ведут привычной теперь тропой назад, вниз. Импровизация уже не нова. Студенческий капутник дошел к концу, третий стакан чая отпил и пора идти домой...

«Вийон» — поэма. А текст ее звучит нечетко, приглушенно. Он словно отодвинут на второй план. Здесь — отсутствие акустики в ГДК, скорее неотработанность дикции или внятности к «мелочам».

В «Альпийской балладе» выразительны пластика, музыка. Огромное значение придается жесту, изобразительному символу. Но и они, даже мастерски сделанные, не доносят в полной мере до зрителя гражданского, социального, художественного, наконец пафоса произведения В. Быкова.

Это говорю не из желания непременно бросить камень. Скорее потому, что хочется видеть совершенным то, что уже полюбил.

Художника можно судить только по тем законам, которые он сам для себя установил. Только внутри им очерченных рамок. Молодежь, раздвигая их, входит в жизнь. Поэтому в время окончательных приговоров. Идет она, не умея еще защищаться, с открытым лицом. В театр из полустуденческих студий вливается новая кровь, о которой столько лет говорили. Идет новая жизнь. Давайте встречать ее радостно.

К. КРИКУНОВ